

Алекса Тим, Ирина Чайка

РОДИТЕЛЬСКИЙ ВЗГЛЯД НА ГОРОД И ГРАФ ВМЕСТО КАРТЫ

Alexa Tim, Irina Chayka

Parental City Mapping Using Graphs Instead of Cartesian Space

Mapping is a typical task in gender studies. There are a lot of studies that use different evaluation maps, from global – such as mapping gender inequality, to local, such as mapping of everyday gendered practices. Our maps were made while completing the ‘Gender and space’ course at the European Humanities University in 2016 and for this we used everyday experience as parents. We mapped our neighborhoods in Minsk and Moscow and, while working independently, utilized the same graph-based approach. Instead of drawing a pseudo-Euclidean two-dimensional projection of a city’s three-dimensional space we mapped some crucial points (such as children’s clinic, local shop, school, subway station, etc.) connected with the base point, home.

We suppose that the use of a graph combined with a traditional map may be useful in gender and urban studies. For example, combining many individual graphs and adding them as an additional level to the ‘classical’ map can uncover both problematic areas with poor urban planning and bad access to infrastructure as well as those places that are highly visited and act as ‘parent attractors. This information may be helpful for policymaking at the municipal level.

Гендерный аспект присутствует во всех сферах человеческой деятельности. Где-то он предстает особенно очевидно, например в экономике или политике, но может быть и едва различим, а точнее, замаскирован, как, скажем, в ор-

ганизации пространства. В наших городских пространствах распространена псевдогендерная нейтральность, которая достигается путем ущемления уязвимых социальных групп в разнообразии их проявлений, когда не принимаются во внимание их специфика и особенности. В результате конструирование пространства сводится к некой усредненной норме, и отправной точкой всех расчетов становится «среднестатистический» человек – молодой, физически здоровый мужчина, для которого не нужно создавать некие дополнительные элементы городской архитектуры. Гендер и пространство – это тесно связанные, проникающие друг в друга понятия. Гендер конструирует пространство, а пространство, в свою очередь, конструирует гендер.

Казалось бы, современное общество Беларуси и России ушло далеко от тех исторических реалий, в которых общественное пространство было исключительно мужской территорией, а женщине (мы имеем в виду благородную даму) отводилось место в приватном пространстве внутри семьи. Однако при ближайшем рассмотрении можно увидеть, что пространство наших городов имеет довольно четкую гендерную ориентацию. Беларусь и Россия все еще сохраняют весьма консервативные взгляды на распределение гендерных ролей. Несмотря на то что в целом женщины довольно эмансипированы и не скованны в расстановке приоритетов в своей жизни, идеологическая нагрузка на первостепенность роли матери для женщины имеет решающее значение в ее выборе и распределении ролей и обязанностей в семье. В результате забота о детях и работа по дому в подавляющем большинстве семей исключительно женская обязанность. Следствием разделения гендерных ролей становится соответствующее разделение пространства. Для чего, например, в начале XIX в. делать женские уборные в общественных местах, если женщина эти места не посещает ввиду сложившихся норм поведения в обществе? Так легким отголоском в наше современное общество донесли те установки, в которых гендерные роли все еще разграничивают пространство на женское и мужское путем исключения женщины из публичного пространства. В данном контексте интересным становится тот факт, что когда в семье уходом за детьми и домашним хозяйством занимается мужчина, то он в некоторой степени также исключается из публичного пространства. Таким образом, пространства формируются на основе преобладающих гендерных ролей. Женщина с ребенком автоматически становится заложницей исторически сложившихся установок, в которых ей определяется место внутри семьи, и многие из привычных ранее общественных мест по умолчанию исключаются из ее повседневных практик. Гендер конструирует пространство, а преобладающий гендер в сфере принятия решений, строительства и утверждения проектов городской инфраструктуры не имеет представления, что такое гулять по городу с детской коляской. Если к этому добавить еще и финансовый аспект, то безбарьерная среда для родителей становится лишь

формальным словосочетанием, которое можно прочесть или услышать из уст чиновников, но не более.

Все эти размышления были навеяны курсом «Гендер и пространство» в магистратуре ЕГУ. Курс заставляет более пристально всмотреться в окружающее нас пространство и заметить скрываемые под ликом нейтральности неявные формы неравенства и гендерной нечувствительности в нашем обществе, а также помогает увидеть гендерный аспект, который все еще незаслуженно обходит стороной, и более глубоко понять устройство, процессы и механизмы того или иного явления. В рамках данного курса нами были проведены исследования, которые позволили иначе взглянуть на городское пространство и расширить границы понимания процессов конструирования среды. Взгляд на город формируется множеством факторов, и социальной позицией в том числе. Меняется позиция наблюдателя – меняется вся перспектива. Взгляд молодого мобильного человека отличается от взгляда молодого родителя.

Мы, Алекса Тим и Ирина Чайка, представили, как воспринимается городское пространство и наши повседневные маршруты с позиции родителей с детьми. Для этого были проведены небольшие по времени и охватываемой территории исследования, нацеленные на изучение специфики городского пространства для молодых родителей. Независимо друг от друга мы исследовали две столицы на постсоветском пространстве – Минск (Ирина Чайка) и Москву (Алекса Тим).

Целью исследования Ирины стало изучение степени доступности маршрутов в рамках каждодневных практик матери с двумя детьми (3 года, 3 месяца), в том числе с использованием детской коляски. Для исследования Ирина прошла наиболее частые маршруты, которые совершаются регулярно пешком или на общественном транспорте непосредственно с коляской. В результате Ирина создала карту, на которой можно увидеть, в какой степени теми или иными условиями городской среды ограничилась ее мобильность.

Алекса – гендерквир, которая в тот момент играла роль домохозяйки и при этом большинством родственников (а равно всем окружением вовне, за пределами профессиональной среды) воспринималась как отец шестилетней дочери и 33-летний мужчина, – сфокусировалась на небольшом районе вблизи станции метро «Беговая». В этом районе одна из крупнейших транспортных магистралей города и небоскреб «Нордстар тауэр» вкупе с 35-этажным жилым комплексом соседствуют с послевоенной трехэтажной застройкой и домами, известными как «сталинки» – престижные многоквартирные дома 1950-х гг. Цель исследования – представить жизнь родителя с ребенком в такой смешанной среде, на пересечении буржуазно-капиталистической сферы с наследием советского периода. Район между советскими военными предприятиями и бизнес-центром, между больницей и автомобильной дорогой, сочетающий дорогие магазины с кооперативным домом от Московского союза художников, представлялся ценным полигоном для нестандартного картографирования. Поиск способа пе-

редать специфику такого неоднородного пространства – важная составляющая исследования Алексы.

Ирина

Отправная точка моего исследования – дом, в котором я живу. От него стрелками обозначены основные маршруты, которые я в той или иной степени совершаю за неделю. На карте красными стрелками отображены маршруты, для меня недоступные, поскольку на пути имеются препятствия, которые с коляской не преодолеть (лестницы, не оборудованные пандусами). Соответственно, зелеными стрелками обозначены маршруты, по которым я могу свободно передвигаться. Красный крестик в конце зеленого маршрута говорит о том, что дойти до пункта назначения я могу, но зайти в нужное помещение не представляется возможным. Зеленый смайл говорит о том, что вход в нужное помещение дружелюбен для людей с детскими колясками. Оранжевыми точками обозначены места на пути, где пандус формально существует, но воспользоваться им практически невозможно из-за его конструкции, которая не предназначена для моей коляски. В некоторых случаях я могу пойти по более длинному пути, но без препятствий, чтобы добраться до пункта назначения, как, например, в книжный магазин и детский сад (но зайти в детский сад я не могу из-за довольно большой лестницы).

Наиболее интересным моментом моего исследования стало изучение доступности минского метрополитена. На станции метро, вблизи которой я живу, есть специально установленный лифт для спуска в сам метрополитен, а также для спуска на платформу. Однако, приехав на нужную мне станцию, я не смогу физически выйти из метро ввиду отсутствия там и лифта, и элементарных пандусов ('subway 2', 'subway 3'). Подобного рода ловушка может вынудить вернуться на исходную станцию метро и проложить маршрут наземным транспортом, причем учитывая и его особенности (поскольку не все троллейбусы и трамваи приспособлены для входа с коляской из-за их конструктивных особенностей; этому мешают, например, поручни посередине входа, которые разграничивают потоки входящих и выходящих людей).

Соотношение красного и зеленого цвета на карте наглядно показывает, что моя новая социальная роль способствовала значительному снижению мобильности, а пространство города проявило явное недружелюбие к родителям с колясками. Городское пространство планируется «для людей» в целом, но ни для кого в частности: не принимаются во внимание социальные различия; группы, на которые ориентировано пространство, очень ограничены, а порой вовсе сложно представить, для кого данная среда организована.

Алекса

Моя задача заметно отличалась от задачи Ирины. Если младший сын Ирины передвигается в коляске, а старший пока не может самостоятельно совершать долгие переходы, то моя шестилетняя дочь уже в состоянии преодолевать любые препятствия вплоть до перегородивших путь заборов. Кроме того, я гендерквир. Для семьи я не столько Алекса, сколько папа, с мужским телом и мужскими привилегиями (там, где жене нахамят, мне, с моим двухметровым ростом, скорее ответят сдержанно). Карта доступности была бы в данном случае совершенно нерепрезентативна, и я сфокусировалась на иной задаче: найти ответ на вопросы, как мое родительство меняет восприятие городской среды и как специфика конкретного района пересекается со спецификой моего личного опыта.

Ключевой особенностью моего перехода от «взгляда человека без ребенка» к «родительскому взгляду» стало выделение детских площадок с разделением их по привлекательности. Кроме того, преобразовалась сетка маршрутов: вместо линии от метро до дома и от дома до магазинов сформировались новые, иногда весьма причудливые трассы вида «дом – автобусная остановка – другая остановка – бассейн – магазин – остановка – остановка – магазин – детская площадка – дом».

Я последовательно применила ряд подходов: рисунок улицы, набросок района, сделанный по памяти, карта, перерисованная с данных геоинформационной системы, лежащей в основе сервиса «Яндекс.Карты», и, наконец, две схемы, основанные на использовании графа вместо отображения декартового пространства. В момент работы над этим проектом я еще не знала о решении Ирины, но наши подходы оказались весьма схожи. По этой причине подробное обсуждение замены карты на граф выносится в раздел обсуждения нашей работы.

Обсуждение: граф вместо карты

Подходы, которые использовались для построения карт, имеют ряд общих черт. В частности, нами не ставилась задача максимально подробного и точного отображения трехмерного пространства городской среды на плоскую поверхность: в обоих случаях мы не задавались целью запечатлеть конфигурацию всех окрестных зданий, улиц и прочих объектов. Обе карты не имеют явно определенного масштаба, хотя на московской и есть достаточно точное соответствие пропорций на бумаге пропорциям на местности: контуры строений срисованы с карты, доступной через онлайн-сервис «Яндекс.Карты». Отказ от претензий на «точное» и «объективное» отображение городской среды был осознанным, поскольку в обыденной жизни родителя с ребенком ни расположение строений на закрытом дворе военного НИИ по соседству, ни даже точное расстояние в

метрах до часто посещаемого объекта большой роли не играют. Выбор английского языка, на котором была составлена карта, обусловлен тем, что это второй рабочий язык в совместном курсе Бенджамина Коупа и Ольги Сасункевич.

Расположенный на расстоянии 345 м от дома магазин без пандуса может быть менее доступен для родителей с коляской, чем магазин на расстоянии 650 м, но с пандусом. Высокие бордюры могут сделать перекресток столь же непроходимым, как высокий забор. Напротив, разделяющий дворовое пространство забор оказывается незначимым при наличии ключей от калитки или при возможности родителю перелезть через забор сверху, а ребенку пролезть между прутьями решетки.

Кроме того, значительная часть городской среды для родителей оказывается исключенной не своей недоступностью, а своей незначимостью. Так, в случае с московской картой фокус намеренно сделан на территории внутри прямоугольника, ориентированного длинной стороной вдоль улицы Беговая: пространство вдоль железнодорожных путей или вблизи Боткинской больницы доступно физически, но не представляет интереса для повседневных прогулок. Определенные территории могут исключаться в силу своей непривлекательности: они либо скучны, либо враждебны, либо не соответствуют интересам конкретной семьи. Для детей младшего возраста более актуальны локальные детские площадки, до которых можно добраться не более чем за 10–15 мин пешком (при скорости ребенка в 2 км/ч это дает не более полукилометра от дома с учетом всех поворотов), в то время как подростков могут привлекать совсем иные объекты: от больших парков и кружков/клубов до заброшенныхстроек или даже подземных сооружений.

Отказ от строгого соответствия масштаба и избирательность в выборе объектов привели нас (независимо друг от друга) к концепции графов. Говоря формально, граф – это математический объект, который представляет множество вершин, соединенных направленными (со стрелками) или ненаправленными (без стрелок, направление прохода не имеет значения) линиями, ребрами. Ребра графов могут иметь численные характеристики, обозначающие, например, легкость их прохождения, частоту использования или поток чего-либо между двумя точками, но расположение графа на бумаге вовсе не обязано отражать какие-то физические особенности того объекта, который изображается графом. С тем же успехом граф может быть вообще абстрактным: в виде графа можно представить, например, алгоритм работы компьютерной программы.

Социальный смысл графов, или заключительная часть

Опыт родительства помещает в зону видимости целый ряд моментов социальной несправедливости и пренебрежения интересами уязвимых групп. Равным образом он подчеркивает и неоднородность среды: пространство

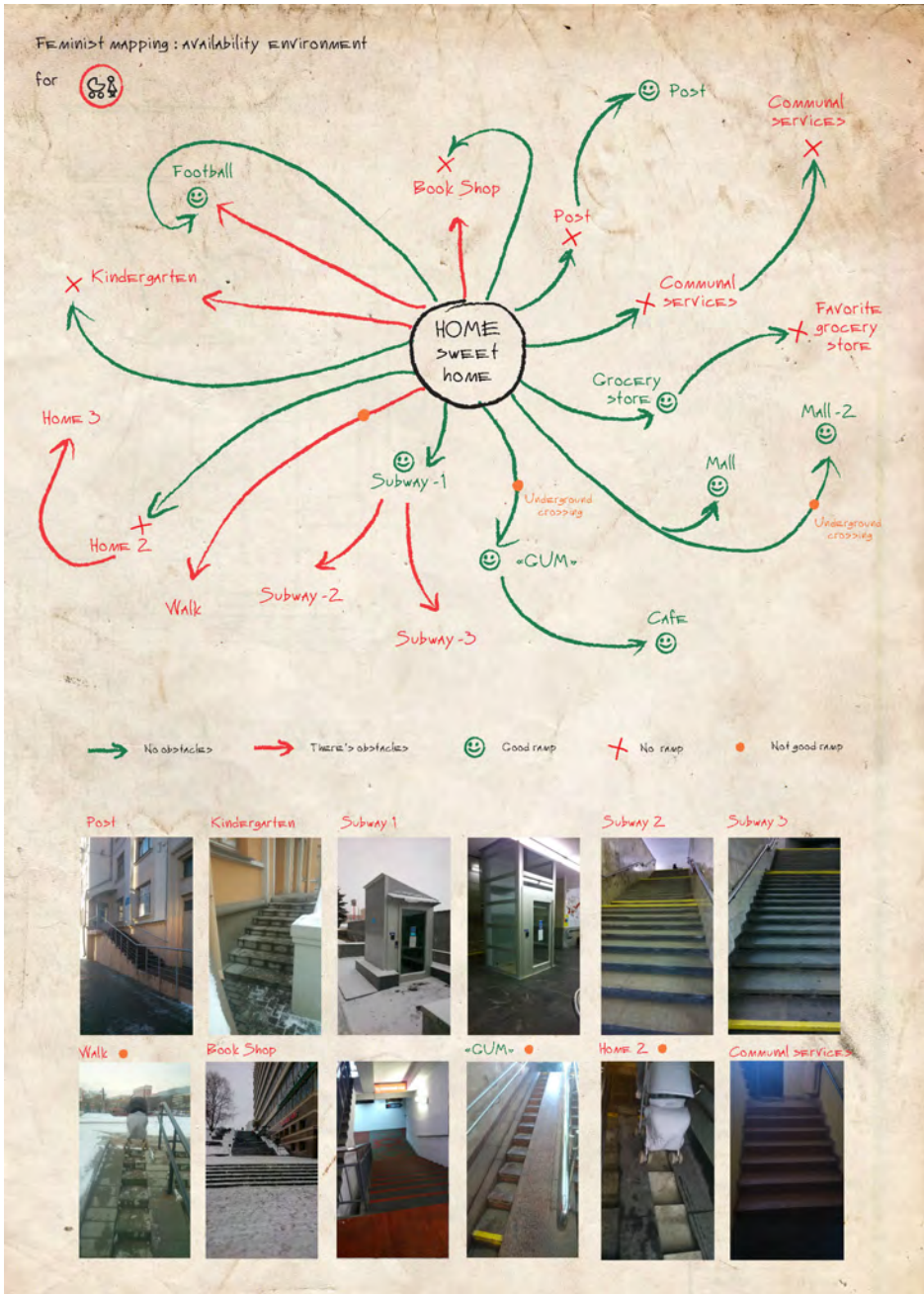
бизнес-центра, с многоэтажным паркингом и площадью, на которой в перерывах курят сотрудни_цы, оказывается столь же исключенным, как и закрытая заводская территория. Отсутствие пандусов для коляски, равно как и невозможность поднять коляску со станции метрополитена, отрезает целые сектора городской среды.

Такие ограничения можно показывать на традиционной карте, выделяя недоступные участки или подчеркивая препятствия. Но нам представляется более целесообразным для работы с индивидуальным опытом использовать концепцию графа, построенного на конкретных личных маршрутах. Для анализа на уровне принимающих решение субъектов (скажем, сотрудни_ц муниципалитета или специалисто_к по городскому планированию) можно накладывать друг на друга множество разных индивидуальных графов и переносить их уже на традиционную карту. Подобные карты могли бы, во-первых, выявить критические «слабые места» городской инфраструктуры (например, переход через дорогу с высокими бордюрными камнями или вход в магазин с непригодным для использования по назначению пандусом), во-вторых, места, которые актуальны для родителей. Позиция «здравого смысла», предполагающая, что такими местами являются детские площадки и учебные заведения, зачастую оказывается недостаточной: часть площадок, отмеченных на карте Алексы, де-факто пустует.

Попытка выполнить такой перенос показывает, что многие маршруты сходятся в ряде критических точек (например, у станции метро или у пешеходного перехода: вывод, в общем-то, тривиальный, но все равно значимый), а также то, что они стягиваются или, наоборот, отталкиваются определенными объектами. Парк или тихие дворы выступают в роли «аттракторов», а бизнес-центр и транспортная развязка, напротив, оказываются «серыми пятнами». Фокус городской политики на «развитии дорог», «создании условий для бизнеса», «сохранении исторической застройки», «озеленении» или «благоустройстве» меняет рисунок повседневных маршрутов, и показанные нами «родительские графы» несут таким образом информацию не только о нашей личной истории, но и о том, что считали важным в последние десятилетия в столицах Беларуси и России.

Подобные исследования могут оказаться полезными также для продвижения гражданских инициатив по созданию безбарьерной среды. Так, для городской и районной администрации не желательно, чтобы на карте метрополитена были обозначены места, которые имеют ограничения для передвижения с коляской. Ведь это сделает видимыми недостатки в работе определенных структур, и интересы родителей придется включать в реестр необходимых мер по борьбе с барьерной средой города. Поэтому, можно предположить, проекты, которые будут обнажать подобную нечувствительность, администрацией поддерживаться не будут. Но если создать проект на основе гражданской инициативы, то вполне возможно, что городским властям придется отреагировать и начать движение в направлении создания более дружелюбной среды для родителей.

Карта Ирины

Карты Алексы

